

Шан Сижуй легкомысленно коснулся губами Чэн Фэнтая и тут же попытался убежать, но тот схватил его и повалил на кровать, принявшись страстно целовать. Смесь сладости сахара и горечи шоколада, лёгкий аромат пшеницы от печенья — Шан Сижуй превратился в лакомый десерт, от которого невозможно оторваться. Когда их дыхание стало прерывистым, Чэн Фэнтай рассмеялся, взял Шан Сижую за подбородок и, глубоко глядя ему в глаза, произнёс:

— Господин Шан совершенно прав! Каждый мужчина рано или поздно встречает женщину, которая ему по душе, а каждая женщина — мужчину. Это неизбежно, так что в этом нет ничего особенного! Но чувства господина Шана — вот что действительно ценно! Только тот, кто прошёл через огонь и воду в его спектаклях, кто по-настоящему понял его душу, имеет право говорить с ним так!

Два человека с искажёнными, но схожими взглядами на жизнь, обнявшись, громко рассмеялись, переполненные радостью и воодушевлением. Шан Сижуй лёг на Чэн Фэнтая, живот к животу:

— Ты говоришь, что понял мою душу, так объясни, что именно ты понял.

— Разве я раньше этого не говорил?

— Говорил, но повтори ещё раз! Говори, когда тебя просят!

Чэн Фэнтай задумался, вспоминая прошлое:

— В самом начале ты мне понравился из-за твоей истории с твоей старшей сестрой.

Шан Сижуй кивнул, словно подтверждая его слова. Кроме нескольких задир из Терема Водных Облаков, никто никогда не поддерживал его прошлые поступки, а Чэн Фэнтай всегда критиковал его. Но сегодня он впервые сказал что-то подобное, и Шан Сижуй, обрадовавшись, начал вертеться. Чэн Фэнтай шлёпнул его по попе:

— В твоём возрасте мальчики обычно только и делают, что развлекаются и ухаживают за девушками. А ты тратишь силы на соперничество с сестрой, хотя и не собираешься жениться на ней. Я никогда не видел такого глупца.

Шан Сижуй уже готов был огрызнуться, но Чэн Фэнтай поспешно добавил:

— Ладно, ладно. Я видел множество людей, которые сражались друг с другом ради личной выгоды и славы, но никогда не встречал того, кто бы так самоотверженно боролся за свою партнёршу по сцене. Любовь и слава меркнут перед такой преданностью. Это чувство чистое.

Эти слова были более приемлемыми. Шан Сижуй кивнул, положил голову на живот Чэн Фэнтая и начал играть с его пальцами:

— А что потом?

— Потом я посмотрел твой спектакль «Дворец вечной жизни» и потерял голову!

Шан Сижуй укусил палец Чэн Фэнтая:

— Ты давно не хвалил мои спектакли.

Чэн Фэнтай позволил ему кусать пальцы, ощущая приятное покалывание:

— Хвалить твои спектакли — это то же самое, что хвалить тебя самого.

Шан Сижуй поднял голову:

— Тогда хвали!

Чэн Фэнтай улыбнулся, ненадолго замолчал, устремив взгляд на балдахин кровати, и медленно произнёс:

— Хотя господин Шан и не получил особого образования, я считаю, что он умнее и мудрее многих. Он играет императоров, генералов, талантливых учёных, красавиц, стариков-лодочников и детей на спинах буйволов — всех он изображает настолько правдоподобно, словно в его душе живут множество душ. Когда он выходит на сцену, эти души оживают через его тело, рассказывая истории прошлых жизней. А когда спектакль заканчивается, их души рассеиваются, но их истории продолжают жить в нём... Господин Шан должен быть самым чистым и лёгким, чтобы вместить всё это, и самым глубоким и мудрым, чтобы понять это. Я видел множество красивых лиц, тщательно выстроенных манер, талантов и характеров. Все они были изысканны, утончённы, знали, как себя вести, и обладали обаянием, чтобы преуспеть в высшем обществе, чтобы получить выгоду или удобства. Но я никогда не встречал такого, как господин Шан... Он как цветок, как пламя, которое просто цветёт и горит, не заботясь о том, кто на него смотрит. Те, кто хочет его видеть, получают зрелище. А те, кто не хочет, не заставляют его меняться ради их одобрения — ведь цветок всё равно расцветёт, а пламя — пылает, независимо от того, смотрят на него или нет. Быть такой звездой и при этом оставаться естественным — это редкость, это действительно уникально...

Чэн Фэнтай говорил сбивчиво, обрывочно. Шан Сижуй, держа в зубах его палец, полузакрыв глаза, спокойно обдумывал его слова. В этом мире тысячи слов, но только мы можем понять друг друга. Никто другой не смог бы сказать это, и никто другой не смог бы понять. Шан Сижуй знал, что все его упорство, все его страдания, все унижения, которые он пережил, в этот момент оказались оправданы. Чэн Фэнтай заполнил все трещины в его душе, и теперь кто-то был готов подпевать ему, аккомпанируя каждому его слову.

— Все говорят, что такой выдающийся человек, как господин Шан, заслуживает достойного спутника жизни. Но никто не осмеливается полюбить тебя. Только я готов пройти через огонь и воду ради тебя.

Шан Сижуй резко набросился на Чэн Фэнтая, прижал его и начал кусать его шею и ключицы, так что слюна потекла по шее Чэн Фэнтая, и тот почувствовал себя беспомощным, словно его вот-вот силой заставят подчиниться. Он закричал от боли:

— Ай! Ладно, ладно! Я понял, господин Шан! Я знаю, что ты тронут! Ой, больно, больно!

Шан Сижуй, в отличие от Чэн Фэнтая, не был мастером сладких речей, как Ду Ци, который умел превращать романтические истории в театральные сцены. Он ничего такого не умел, и когда его переполняли эмоции, он либо бил Чэн Фэнтая, заставляя того задыхаться, либо, как сейчас, кусал и царапал, словно хотел съесть его, как маленький зверёныш.

После такого возвышенного общения в постели оба почувствовали себя ещё ближе друг к другу, чем после интимной близости. Даже когда Чэн Фэнтай вышел из комнаты, чтобы подобрать свои штаны, Шан Сижуй не хотел отпускать его, продолжая ворчать и цепляться за его руку, зажимая её между ног.

Чэн Фэнтай потрепал его за поясницу и рассмеялся:

— Почему ты всё, что попадает под руку, зажимаешь между ног? Я всего лишь сказал тебе пару ласковых слов, а ты уже возбудился. Неужели такой знаменитый господин Шан, который повидал множество поклонников, всё ещё так впечатлителен?

Он шлёпнул его по попе, высвободил руку и вышел на холод, чтобы подобрать штаны. Разбитое окно было заклеено картоном, вероятно, Сяо Лай позаботилась, чтобы Шан Сижуй не замёрз во сне. Однако штаны Чэн Фэнтая не удостоились такого внимания — они лежали на веранде, всё ещё слегка влажные. Даже если Сяо Лай и подумала о них, она не стала бы их сушить.

Вернувшись в комнату, Чэн Фэнтай подбросил несколько углей в жаровню, чтобы подсушить штаны, и сказал:

— Господин Шан, одевайся и вставай.

Шан Сижуй, всё ещё переполненный эмоциями, катался по кровати.

— Кажется, я видел, как приходил Малыш Чжоу, — сказал Чэн Фэнтай. — Он в комнате Сяо Лай.

— Наверное, пришёл за деньгами на Новый год! Пусть Сяо Лай его прогонит, у меня нет денег, нет красного конверта.

Шан Сижуй вдруг вскочил и бросился на спину Чэн Фэнтая:

— Кстати, второй господин, а где мои деньги на Новый год?

Последние два года Чэн Фэнтай ради забавы клал деньги на Новый год под подушку Шан Сижую. Теперь это стало традицией, и он начал этого ждать.

— О, сам не хочешь давать другим, а у других просишь? Не думал, что ты такой хитрец.

Чэн Фэнтай с улыбкой достал из кошелька две крупные купюры:

— Держи, молодой господин.

Шан Сижуй взглянул на деньги и надулся:

— Без красного конверта не возьму, ты что, думаешь, я попрошайка?

Он быстро оделся и потянул Чэн Фэнтая:

— Второй господин, пойдём проведаем Малыша Чжоу!

Чэн Фэнтай не имел никакого желания заниматься Малышом Чжоу и мягко освободился от него:

— Господин Шан, иди сам, мои штаны ещё не высохли.

Шан Сижуй ушёл на время, пока Чэн Фэнтай сушил штаны и одевался. Выйдя на улицу с сигаретой в зубах, он увидел, как Малыш Чжоу, вытирая слёзы, уходит, провожаемый Шан Сижум и Сяо Лай. Всего за полмесяца Малыш Чжоу снова похудел, и даже в зимней одежде выглядел худым, как тень. Он не заметил Чэн Фэнтая, но, дойдя до ворот, внезапно повернулся, упал на колени в снег и поклонился Шан Сижую, рыдая:

— Сегодня я ухожу, и боюсь, что больше никогда не увижу господина Шана. Ваша доброта ко мне, Чжоу Сянъюнь, я отплачу в следующей жизни!

<http://bllate.org/book/15435/1368644>